

Лекция 5

Автор Анатолий Козлович

ПУБЛИЦИСТИКА КАК САМОВЫРАЖЕНИЕ

Тема: Публицистика как самовыражение. Эссеистика. А.Толстой, Г.Гейне, К.Чапек, В.Короткевич, А.Моруа.

План лекции

1. Публицистический текст как жизнь.
2. Публицист как копатель истины.
3. Исповедь-эссе А.Толстого конкурирует с религией.
4. Путевые картинки Г.Гейне затмили поэзию.
5. Эссеисту позволительно все.
6. Эссеист нуждается в трибуне.
7. Эссеисты усвершенствуют публицистику.
8. К. Чапек без обратной связи.
9. Негатив и позитив в эссе.
10. Эссе для взрослых и детей. Опыт В.Короткевича.

1.

Публицистика прежде всего выдает «с потрохами» личность автора: умного возвышает еще больше, глупого – опускает еще ниже. В публицистике невозможно спрятаться за героев либо за метафоры, как в беллетристике.

Более того, и герои, и метафоры нередко ограничивают автора, придумавшего их и вынужденного подчиняться логике их характеров, законам формы. Наступает момент, когда автор решает освободиться от условностей беллетристики, перейти на прямую авторскую речь, дать всему и вся личную оценку.

Подобные островки авторской свободы в романах и повестях называют публицистическими отступлениями. Если и таковых свободолюбивому автору недостаточно, он может полностью вырваться за пределы художественной формы, перейти к публицистике и сочинить «Исповедь» или «Так что же нам делать?» Вы узнали автора – это Лев Толстой.

Первое из названных произведений писалось им на рубеже 70-х – 80-х годов девятнадцатого века, второе – в первой половине 80-х. И первое, и второе – в России были запрещены духовной (церковной) и государственной цензурой и впервые увидели свет за рубежом. Один из современников пишет, что «та особенная слава, которая теперь окружает имя Толстого, началась после того, как появилась его «Исповедь».

Имя беллетриста А.Толстого, уже написавшего роман «Война и мир», стало поистине всемирно известным, когда он заявил о себе как публицист! Факт не принижает значение толстовского романа, а лишь подтверждает огромное влияние публицистики как таковой и особенную силу толстовской

публицистики в частности. Истоки этой силы – в личности автора, решившего рассказать о себе, о напряженных, противоречивых поисках смысла жизни и веры.

Жена писателя С.Толстая сообщала сестре: «Левочка кончает свое печатанье, которое сожгут, но все-таки надеюсь, что он успокоится и не будет больше писать в этом роде». Эмиль Золя поразился теми страницами, где публицист Толстой показал себя «мощным аналитиком» и «глубоким психологом». Русского же публициста Глеба Успенского, мыслителя и знатока реальной жизни, «Исповедь» Толстого «ужасно смутила» и навела на мысль, что «это первое фальшивое произведение» Толстого.

Глеб Успенский отказал Льву Толстому в праве быть искренним перед самим собой. Ведь «Исповедь» - человеческая исповедь. Без кавычек. Это документальное сказание Льва Николаевича о себе. В Европе толстовское сказание называли «образцом автобиографии». Отмечая ее противоречивость, никто в Европе не усомнился в ее фальшивости, как знаток русской реальности Успенский, усомнившийся ... в реальности личности Льва Толстого.

Следовательно, Успенский ко времени знакомства с исповедью современника Толстого еще не познал все глубины и высоты жизни, не сумел заглянуть туда, где концентрируются самые обширные, самые точные знания о жизни – в душу человека. Потому что в чужую душу заглянуть невозможно: чужая душа - потемки. Так и соседствуют на земле люди как темные пятна, как непознанные миры. И если один из них наполняется светом, самораскрывается, значит, на земле становится больше знания. Свет, раскрывающий человека, называется: эссе.

Произведения А.Толстого «Исповедь» и «Так что же нам делать?» - мировые образцы публицистической эссеистики. Именно публицистическим пафосом «Исповедь» Толстого отличается от «Исповеди» Руссо, ограниченной внутренним пространством души и зачастую ... нереальной, вымышленной, неискренней. Так показалось Андре Моруа, который не смог до конца поверить в искренность маститого эссеиста и объяснил это в замечательном эссе «Жан-Жак Руссо».

2.

«Только те, для которых важны и дороги нравственные истины, знают, как важно, драгоценно и каким длинным трудом достигается уяснение, упрощение нравственной истины – переход ее из туманного, неопределенного сознаваемого предположения, желания, из неопределенных, несвязных выражений в твердое и определенное выражение, неизбежно требующее соответствующих ему поступков».

Так пишет великий человек 19 века Лев Николаевич Толстой, создавая текст из собственной бесстрашной искренности. Пишет длинный трудный процесс созревания истины. Пишет длинно, тяжело, непрозрачно, не подчиняясь никаким литературным канонам и временами даже игнорируя правила русского языка. Ибо важнее всего – из туманных предположений сформулировать утверждения, что «знание истины можно найти только жизнью» и что в муках самопознания открывшееся ему знание «побудило меня усомниться в правильности моей жизни».

Текст Толстого – это жизнь, а его жизнь – это текст. В толстовском тексте отсутствует сделанность, так как она отсутствует в самой жизни. В публицистических текстах Толстого не чувствуется литературных приемов, так как не в этом цель автора. Из беллетриста, блестяще овладевшего ремеслом, Толстой по своей воле превратился в упрямого копателя души, копающего не по правилам художественного творчества. «Друг мой, вернитесь к литературной деятельности!» - в панике советовал ему эстет И.Тургенев, забывший, что и сам отдал дань очерковому (публицистическому) осмыслению жизни в «Записках охотника».

Копатель нравственной истины Толстой, не заботясь о литературных изысках, о сюжете исследования, вдруг начинает рыть «не там» и «не туда» - в экономику, в философию, а то и вовсе – в химию либо математику. Тексты Толстого перегружены цитатами и ссылками на авторитетов в разных науках, эти длинноты нередко нарушают последовательность рассуждений, обрывают нить бесформенного повествования, но автор вновь связывает ее собой, воспоминаниями из детства, наблюдениями над собственными поступками со всеми их нюансами и противоречиями, точными картинами русской жизни.

3.

Мысль в публицистических текстах Толстого, забираясь пугающе далеко, обязательно возвращается на землю, материализуется в подчеркнута жестких и реалистичных образах действительности, добытых Толстым-журналистом в московских ночлежках, в рабочих трущобах, в потной от беспрестанного труда деревне, где вечером слышатся «крики баб и девок, только что успевших поставить грабли и уж бегающих загонять скотину, - а с барского двора слышатся другие звуки: дринь, дринь, дринь! Слышится фортепиано...»

Это из текста, похожего на жизнь, выделился литератор Толстой, профессионал наблюдений и деталей, мастер умозрительных прозрений и мучительных вопросов ко всему человечеству, к каждому живущему, в том числе к самому Богу: «Каким образом может человек, считающий себя – не говорю уже христианином, не говорю образованным или гуманным человеком, но просто человек, не лишенный совершенно рассудка и совести, жить так, чтобы, не принимая участия в борьбе за жизнь всего человечества, только поглощать труды борющихся за жизнь людей и своими требованиями увеличивать труд борющихся и число гибнущих в этой борьбе?»

Прежде чем задать нам свой вопрос, Толстой на примере личной жизни показал процесс его вынашивания. Данный процесс и есть публицистика Толстого. Она естественна, не требует изысков, ухищрений. У прирожденного актера не заметна актерская игра. Прирожденному публицисту нет нужды эксплуатировать литературные приемы.

Выношенный, выстрадавший, честный и прямой вопрос Толстого, побуждающий читателя к ответу, - это его публицистическая цель. Она достигнута? Да, если прочитать тысячи писем со всего мира в Ясную Поляну с главным вопросом: «Как жить, Лев Николаевич?»

В поисках ответа (прежде всего для самого себя) на кардинальный вопрос бытия, Толстой не мог не обратиться к Библии. Его ответ еретичен: «И ложь и истина переданы тем, что называют церковью. И ложь и истина заключаются

в предании, в так называемом священном предании и писании. И волей-неволей я приведен к изучению, исследованию этого писания и предания, - исследованию, которого я так боялся до сих пор».

Волей-неволей! Публицистический замысел обретает такую гигантскую власть над автором, что автор не имеет силы и права остановиться, пока не дойдет до конца. Впрочем, большинство автором все же останавливаются, оглядываясь на обстоятельства, на режимы и правительства, на литературные каноны. Это не публицисты, а конъюнктурщики.

Толстой – не остановился, за что русская православная церковь отлучила его от веры (и не восстановила до сих пор). Но результатом толстовской публицистики явилось религиозно-нравственное движение толстовцев за самоусовершенствование общества и человека.

Опыт Льва Толстого свидетельствует, что публицистика по степени влияния способна конкурировать с религией и победить. Победить искренностью, самокритичностью, чего недостает религии. Подвластный публицистической идее идти за истиной до конца, Толстой честно признается, что до конца не дошел: «Я не буду искать объяснения всего..., потому что я вижу пределы своего ума». Это признание еще больше возвышает Толстого публициста в его знании истины.

4.

Нам не кажется случайным следующее совпадение: чем глубже публицист в качестве исследователя проникает в себя, тем больше сомнений вызывает у него деятельность церкви как властного и воспитывающего института человечества.

Русский Лев Толстой, сомневаясь, держит руку у сердца, опасаясь оскорбить религиозные чувства современников, убеждает искренностью.

Немец Генрих Гейне, сомневаясь в том же еще раньше Толстого (в двадцатых годах того же 19 века), не жалеет ни церковных служителей, ни религиозной паствы, убеждая смехом, юмором, сарказмом. Вот, путешествуя по Италии, поэт-публицист зашел, как подобает всякому туристу, в католический костел. И что же он чувствует в храме! Читаем признание:

«Что бы ни говорили, а католицизм – хорошая религия в летнее время. Хорошо лежать на скамье такого старого собора; наслаждаешься прохладой молитвенного настроения, приятной праздностью, молишься, грезишь и мысленно гресишь; мадонны так всепрощающе кивают из своих ниш, они, чувствуя по-женски, прощают даже тогда, когда их собственные прелестные черты вплетаются в наши греховные мысли; в довершение всего, в каждом углу стоит коричневая исповедальная будочка, где можно освободиться от грехов. В одной из таких будочек сидел молодой монах с сосредоточенной физиономией, но лицо дамы, кающейся ему в грехах, было скрыто от меня... Однако поверх перегородки видна была рука, приковавшая меня к себе. Я не мог наглядеться на эту руку... То была прекрасная рука... Было также в ней что-то трогательно невинное, так что, казалось, этой руке незачем каяться, да и не хочется ей слушать, в чем кается ее обладательница, а потому она ждет в стороне, пока та покончит со своими делами...»

Гейне, смеясь и балагурия, беспощаднее Толстого обнажает реальную жизнь, чтобы противопоставить ее жизни оцерковленной. Христианскому мироощущению Гейне открыто предлагает антитезу: свободное развитие человеческого духа, не скованного церковным смирением, догматическим ограничением. Чтобы доказать, что подобное может быть, он демонстрирует собственную раскованность, свободу: вот я, знаменитый поэт Генрих Гейне, иду пешком по Германии, наблюдаю, захожу в храмы и трактиры, опускаюсь в шахту, разговариваю с пастухами и рудокопами, осматриваю достопримечательности и природу, но заночу в свои «Путевые картины» только то, что мне кажется наиболее важным, а важными мне кажутся личные ощущения и ассоциации. Мир существует в человеке, во мне, вашем современнике, читатели, вот я и открываю вам этот мир.

Эссе Генриха Гейне, собранные в книгу «Путевые картины», литературоведы называют лирической либо романтической прозой. Она имела большой читательский успех. Глубже, чем в стихах, познакомив читателя с собой посредством эссе, Гейне глубже и шире познакомил современников с тогдашней Германией, высмеял пороки общества и нации, не упустил политические события, назвал действующих лиц и исполнителей, вызвал споры, поддержку, опровержения – и в итоге его лирическая проза сделалась замечательным документом своей эпохи. Поэтому, учитывая ее влияние на общественные настроения, мы склонны называть ее публицистикой, то есть литературой на злободневные общественно-политические темы.

5.

И здесь мы вновь можем порадоваться за публицистику: именно она, а не поэзия, позволила Генриху Гейне высказать все, что он хотел. Поэт остро ощущал недосказанность своей лирики, которая в ту пору должна была подчиняться традиции, отлучавшей лирику от злободневных проблем. Гейне хотелось высказаться на актуальные темы европейской политической, социальной и духовной жизни. Стихи и циклы стихов ограничивали поэта-гражданина в тематике, сковывали формой. Потому он избрал форму эссе, причем одну из традиционных, древнейших – путевого эссе: иду, вижу, говорю.

Полушутя-полусерьезно, Гейне называл свои эссе-путешествия «балаганом». Эссе наполнены юмором, самоиронией, Гейне был хорошей «язвой», беспощадным сатириком. Он нарочито допускал пародийные неточности, когда, издеваясь над стилем поверхностных публицистов-документалистов, писал, что «в этом городе столько-то домов и столько-то жителей, и среди них несколько живых душ, как сказано подробнее в «Карманном путеводителе по Гарцу».

В другом городе, осматривая вместе с посетителями статуи и скульптуры, Гейне волей язвительного автора заставил одного из посетителей, пользующегося справочником, начать осмотр не с того конца, и от души поохотал, когда перемешались мужчины и женщины, рыцарские доспехи и дамские платья.

В третьем городе, где расположено знаменитое кладбище, включенное во все путеводители и справочники и обязательное для осмотра путешественников, Гейне признался, что «кладбище не произвело на меня

сильного впечатления. Куда больше меня пленила очаровательная головка, которая, улыбаясь, выглядывала из окна довольно высокого первого этажа одного из домов, когда я входил в город». Думаете, он ограничился только этим замечанием? Слушайте дальше:

«После обеда я снова отыскал милое окошко; но теперь там стояли в стакане с водой белые колокольчики. Я взобрался на окно, вынул из стакана милые цветочки и спокойно прикрепил их к своей шапке... Когда я через час снова прошел мимо дома, красотка стояла у окна и, увидев колокольчики на моей шапке, залилась румянцем...» Кончилось тем, что вечером, когда стемнело, он пришел еще раз и сказал ей: «Я любитель красивых цветов и поцелуев, и если мне не дадут их по доброй воле – я краду», и я быстро поцеловал ее, а когда она хотела убежать, я прошептал, успокаивая ее: «Завтра я уеду и, вероятно, никогда не вернусь, - и я чувствую ответное прикосновение прелестных губ и нежных ручек...»

В четвертом городе путешественник-эссеист Гейне, наслушавшись поэтических мифов местных патриотов о своей малой родине, подловив их на неточностях и встретив отпор, воскликнул: «Удивительны причуды народа! Он требует своей истории в изложении поэта, а не историка! Он требует не точного отчета о голых фактах, а растворения их в той изначальной поэзии, из которой они возникли».

Автор и сам подчиняется «удивительным причудам народа», избегая констатации голых фактов. В шахту, облачившись в одежды рудокопа, он полез не из праздного любопытства, а чтобы на себе почувствовать, как опасна, тяжела, изнурительна эта работа и как рудокопы верны друг другу в темноте, под землей. Эту верность Гейне распространяет на весь немецкий народ.

О немецком народе Гейне особенно напряженно размышляет, путешествуя в Англию и Италию. На расстоянии глубже видится, острее чувствуется. В европейском контексте Гейне отчетливо видит провинциализм немецкой жизни, высмеивает патриотическую напыщенность. Гейне одним из первых подсмотрел и высмеял те национальные черты, на эксплуатации которых позже умело сыграл Гитлер.

Из лирика Гейне превратился в общественного деятеля. Из сугубо личного восприятия действительности соткал картину немецкой и европейской жизни. Как писал исследователь его творчества Н. Берковский, «Гейне показывает, с какой личной страстью могут переживаться события и отношения, лежащие далеко за чертой непосредственно личных интересов, как велики могут быть общественно-исторический пафос и гражданская активность...»

Чтобы показать это, Гейне и обратился к публицистике как литературному инструменту.

6.

Публицистические тексты Гейне тщательно организованы. Его эссеистика не столь раскованна, как, допустим, у Дидро. Генрих Гейне вводит в эссе некоторые элементы стихотворной структуризации текста: рефрены (названия городов или местностей), повторяющиеся обращения к воображаемой

слушательнице (madam), создание эффекта признания, задушевного разговора, воспоминания.

Избранный прием путешествия как нельзя лучше позволял автору разбивать текст на краткие главы и печатать их в газете. Поэт-публицист давал себе отчет, что пишет не для себя, а для публики, которая любит, чтобы мысли и чувства были понятны.

Лев Толстой как эссеист о читателе мало заботился, он был озабочен самокопанием. Стиль его публицистики громоздок, труден для восприятия (гораздо труднее, чем в его же беллетристике).

Генрих Гейне как эссеист копался в общественных проблемах, пытался лично разобраться в идеях и тенденциях современности и недавней истории: Великая французская революция, эпоха Наполеона, межконфессиональные споры, протестантизм, отсталость феодально-монархической Европы, убожество (трагическое и комическое) мелких провинциальных немецких княжеств...

Чтобы во всем этом разобраться самому, а затем донести до читателя в доступной форме, необходимо было все «разложить по полочкам». Гейне так и делал, особенно в первых частях «Путевых картин», где действительно присутствуют описания его путешествий, но увлечения описательством нет. В последующих частях автор еще меньше обращает внимания на то, что справа и слева от его пути, он спешит высказаться о том, что занимает его больше всего. Путевые картины почти исчезают, идет напряженный авторский монолог о времени и о себе, автора меньше всего интересует структура текста и прочие литературные изыски.

В главе «Заключение» Гейне пишет:

«Вся эта книга возникла в силу требований времени... Близкие друзья автора, знакомые с его личными обстоятельствами, очень хорошо знают, как мало влечет его на трибуну собственный, личный интерес и какие огромные жертвы ему приходится приносить за каждое свободное слово... В нынешнее время слово есть дело...»

Эссеист Генрих Гейне ощущал себя **на трибуне**. Он одним из первых разрушил классическое представление об эссе как о дневнике души (у М.Монтеня). Эссеистика Гейне обладает мощным коммуникационным импульсом, который и заставил поэта перейти на прозу.

Поэт, став публицистом-эссеистом, признался: «Душа моя трепещет, глаза горят, а это – неподходящий материал для писателя, который должен владеть своим материалом и оставаться строго объективным...»

Признание Гейне хорошо бы помнить тем современным журналистам и публицистам, которые собственными текстами демонстрируют, что эссе по причине своей специфики (поведенческой раскованности автора) позволяет им быть мелочными, самолюбивыми, свободными от общественных и моральных правил.

7.

«...мне хочется об этом кричать во всеуслышание: что совесть не позволяет мириться с преступлением, за которое мы все в ответе, - с нищетой

человеческих детенышей. Господи, говорят, что человечество – властелин суши, моря, воздуха и всего на свете; оно обнаружило бы печальное бессилие, если бы не нашло способов устранить нищету... Увы, как же человечество ничтожно, если оно не в состоянии разрешить столь насущные, неотложные задачи!»

Эти отчаянные слова произнес знаменитый чех, прозаик, автор всемирно известного философского и экологического романа-предупреждения «Война с саламандрами», балагур и юморист, путешественник, художник, эссеист Карел Чапек. В 1921 году он вместе с полицейскими совершил обход пражских кварталов нищеты. Увиденное – потрясло, Чапек написал репортаж «Полицейский обход», его можно отнести к шедевру социальной эссеистики, коммуникативный заряд которой действует до сих пор, ибо до сих пор, даже выйдя в космос, человечество не справилось с нищетой на земле.

Публицистика – одно из мощнейших средств коммуникации, но связь, установленная при помощи этого средства, продолжает оставаться несовершенной, то есть неустойчивой, односторонней. Публицисты как камертоны общества чувствуют свое бессилие, видят недостатки своего средства связи, пытаются его совершенствовать. Эссеистику, кроме прочих ее особенностей, следует рассматривать и как попытку усовершенствовать публицистику. Такая попытка заметна в репортаже Чапека «Полицейский обход».

Итак, мастер пера нарисовал ужасающую картинку нищеты. Что дальше? Кому адресовать публицистический импульс? К. Чапек отправляет свою информацию по четырем адресам: власти, Богу, человечеству и ... своему сердцу. Посмотрим, какое направление самое эффективное?

8.

К. Чапек пишет: «Я хотел бы, чтобы все наши законодатели увидели своими глазами эту бездну нищеты. Уверен, что они думать больше ни о чем не могли бы, как только о способе спасти детей». Получил ли публицист ответ? Да никакого! Публицист лишь показал собственную наивность, как мы уже отмечали, традиционную для публицистов.

К. Чапек пишет: «Боже, если твое владычество простирается на Попелки (район Праги – **А.К.**), если это место осуждено и покинуто тобою самим, дай отчет и оправдайся в том, что ты позволил сделать с этими людьми!»

Существует ли с Богом обратная связь? Можно ли требовать от Бога отчет о сделанном, от Бога, который всегда прав и ни в чем не виноват?

Задавая риторические вопросы, автор упражнялся в стиле, нагнетал страсти – и только. Нет от Бога ответа.

Автор, зная безответность Бога, обращался за ответом и к человечеству. Зачем? Опять-таки – для красного словца. Так требует публицистика. И не важно, что нет ответа. Важнее – послать импульс. Человечество ищет внеземные цивилизации, посылает в космос радиосигналы, на которые никто не отвечает. Но человечество посылает новые сигналы, более сильные. Ответа – нет. Неужели и публицистика обречена на безответность?

Ответ на публицистический сигнал приходит, когда исходит из сердца публициста. На сердечной частоте он, минуя правительство, Бога,

человечество, приходит к другому сердцу и улавливается им. Это – сердце читателя. К. Чапек умеет создавать и посылать сердечный сигнал. Вот картинка и сигнал вместе: «...на голом полу, прислонив голову к стене, спят муж и жена под одним рваным отрепьем – и все; даже веревки нет – ни для белья, ни чтоб повеситься... Комок подкатывает к горлу, как на похоронах».

Ну зачем после этого обращаться к равнодушным, сытым, важным законодателям? К чему упоминания Бога и человечества, если сердечный сигнал публициста уже принят сердцем читателя и если, по сути, цель публициста уже достигнута?

На эти вопросы вам не ответит внятно ни один публицист, хотя каждый занимается усовершенствованием своего инструментария, и одним из методов такого усовершенствования является эссеистика.

Эссе – публицистический инструмент более тонкий, искусный, всепроникающий. С его помощью автор превращает общественную проблему в сердечную, что позволяет сердцу читателя улавливать ее и вновь превращать в общественную. Может быть, наступит момент, когда количество публицистических импульсов перейдет в качество – и будет достигнута великая, страстно желаемая всеми публицистами цель – изменение мира в лучшую сторону.

9.

Сердечный сигнал публицист К. Чапек успешно основывал и на негативе, и на позитиве. Репортаж «Полицейский обход» – это пример удачного использования негативного материала. Судя по всему, Чапек осознавал бессмысленность обращений к власти и госпуду, негативизм в его эссеистике не получил широкого распространения.

Сильный эффект соучастия и сопричастности вызвали у современников «Картинки родины» Чапека, где он описывает известные и неизвестные места Чехии и Словакии. Эти небольшие по объему эссе выдают лучшие авторские качества: наблюдательность, внимание к деталям, юмор, психологизм, неожиданность суждений. Позитивный заряд, идущий от сердца писателя, доносит «Картинки родины» до сердца читателя любовью к стране и природе.

Белорусским журналистам весьма кстати была бы подвижность К. Чапека, если бы они не были так увлечены политикой, идеологией, борьбой, негативизмом. Чапек передвигался много и охотно, и по родной стране, и за ее пределы. Гнала его в дорогу журналистская и человеческая любознательность. В своих «Письмах» (из Италии, Англии, Испании) он намеренно избегает описаний тех мест, которые известны по справочникам. Он бродит по незнакомым тропинкам, всматривается в обыденную жизнь людей, потому что это интересно, это приносит неожиданные открытия, побуждает мысль автора и читателя.

Зарубежные похождения Чапека написаны легко, кратко, с юмором, без политических обобщений, временами они перенасыщены просто милой болтовней. В тексты органично вплетены рисунки автора, которые он делал обязательно с натуры. Рисунки похожи на беглые наброски, представляют собой силуэт, контур, движение, ритм. Без этих символов тексты явно обеднели бы.

Путевые эссе К. Чапека интересны тем, что перед нами раскрылся живой человек, интересный собеседник, знаменитый писатель, искусный художник. Карел Чапек. Самораскрытие – одно из тайных желаний каждого эссеиста.

10.

Просветительские задачи, воспитательские и патриотические цели, присущие малоформатной эссеистике Чапека, остаются актуальными для современных журналистов Беларуси. В СМИ РБ редки материалы о родном крае, нет систематизированных циклов, посвященных известным провинциям Беларуси – Полесью, Поозерью, Нарочанскому краю, Новогрудской возвышенности, Мозырщине, Логойщине...

На фоне эссеистического штиля в Беларуси особенно заметна книга Владимира Короткевича «Зямля пад белымі крыламі» (1977). Чтобы ее написать, поэту и романисту пришлось много путешествовать по стране, побывать в разных ее концах, подметить характерные черты юга и севера, запада и востока, составить общий образ современной Беларуси, для сравнения совершить экскурс в историю края, вновь вернуться в наши дни, чтобы охватить взглядом и города, и деревни, и природу, и промышленность, и этнографию...

Соединить в единое целое тематическую разбросанность способно лишь эссе, точнее, личность автора, его взгляд, его душа, его стиль. У Владимира Короткевича книга вышла поэтической, возвышенной, что помогло автору при описании природы, истории, этнографии, но что помешало глубже и полнее рассмотреть затронутые проблемы, в итоге многие страницы производят впечатление поверхностного скольжения по тематике.

Легковестность многих глав не спасает и то обстоятельство, что книга В. Короткевича предназначена, как отмечено в выходных данных, “для детей среднего и старшего школьного возраста”. Упрощение проблем заканчивается примитивизацией жизни, что, между прочим, свойственно не богатой на произведения белорусской эссеистике в целом.

Читая некоторые, весьма серьезные по затронутой проблематике, статьи Янки Купалы либо Язепа Лёсика, трудно отделаться от впечатления, что написаны они для детей: берется верхний срез жизненного материала и многократно пережевывается. Это невкусно. Хочется не жвачки, а пицци для ума.

Хочется поскорее пролистать торопливые страницы книги-эссе В. Короткевича, чтобы остановиться на тех главах, где он со знанием дела, с позитивной иронией рассказывает, допустим, о белорусских обрядах, свадьбах, похоронах, дожинках...

Эссе, как мы неоднократно подчеркивали, выдает автора. Если взялся за гуж, не говори, что не дюж. Если вошел в эссе, это не гладенькое шоссе, а трудный путь вглубь самого себя и окружающей действительности.

Эссе – чтение для взрослых интеллектуалов, жаждущих самосовершенствования. Для детей же пишутся сказки, но не публицистические эссе.